

**МАСШТАБЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»
В СССР 1937–1938 ГГ.:
ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Активно обсуждаемой проблемой в отечественной историографии является определение числа репрессированных советских граждан в период «большого террора» 1937–1938 гг.

Наиболее ярким представителем зарубежной историографии, который обращался к анализу масштаба «большого террора» в СССР, стал Р. Конквест. Он, в частности, писал, что «...к середине 1937 г. практически все население Советского Союза стало потенциальным объектом террора... К моменту падения Ежова было арестовано не менее 5 % населения – каждый двадцатый»¹.

А. Дугин, используя данные фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации. – Прим. М. С.), пишет, что материалы его статьи не претендуют на окончательный ответ на все вопросы, касающиеся репрессий сталинизма. В 1937–1938 гг. общее количество заключенных, вновь поступивших в ИТЛ ГУЛАГа, составило 1 140 647 человек. Однако в числе арестованных в 1937–1938 гг. были и обычные уголовники. Число же арестованных по политическим мотивам составило за этот период 290 150 человек².

Так, один из первопроходцев в анализе темы сталинских репрессий в СССР Р. А. Медведев утверждает, что в 1936–1938 гг. по политическим мотивам было арестовано не менее 5 млн человек³.

Более высокие цифры репрессированных озвучил А. В. Антонов-Овсеенко: «Опираясь на данные “статистиков органов”, с 1935 по июнь 1941 г. через Лубянку и ее филиалы прошли 19 млн 840 тыс. человек. Из них 7 млн были расстреляны в тюрьмах»⁴. Правда, автор не конкретизировал, сколько было арестовано граждан в 1937–1938 гг. (период действительно массовых репрессий), но даже если исходя из здравого смысла предположить, что на эти годы приходится более половины всех арестов, то все равно искомое число выглядит недостаточно правдоподобным.

Не в полной мере подтверждены фактически данные, приведенные А. В. Бакуниным, который пишет: «По некоторым данным в 1930-е гг. было репрессировано до 20 млн человек. С учетом

того, что накануне Отечественной войны в СССР насчитывалось 194 млн человек, репрессиям подвергался примерно каждый десятый житель страны. Эти цифры подтверждаются и расчетами по Уралу, где на 8 с лишним миллионов жителей в 1938 г. приходилось около 900 тыс. репрессированных»⁵.

Впервые на официальном уровне ситуация, связанная с определением числа репрессированных граждан в 1937–1938 гг., прояснилась после доклада генерал-майора Министерства безопасности России А. Краюшкина, заявившего о том, что по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50,7 %, приговорено к высшей мере наказания. Эти данные стали определяющими в исследованиях В. Кожина⁶, В. П. Попова⁷, В. Н. Земскова⁸ и И. В. Павловой⁹, В. В. Крылова¹⁰, Л. Л. Рыбаковского¹¹, О. Б. Мозохина¹², Л. А. Наумова¹³.

По нашему мнению, ситуация, сложившаяся в российской историографии на настоящий момент, связанная с определением числа советских граждан, репрессированных в годы «большого террора», наиболее достоверное отражение получила в статье А. К. Соколова «Ежовщина». В этой публикации автор отметил следующее: «...в последние годы стали доступными статистические данные, позволяющие судить о количественных параметрах и характере массовых репрессий в 1937 и 1938 гг. Во-первых, это – так называемая «лагерная статистика». Во-вторых, это данные двух переписей населения 1937 и 1939 гг., сведения которых, в том числе по ГУЛАГу, стали достоянием гласности. Косвенно, для расчетов ущерба, нанесенного «ежовщиной», может быть использована текущая демографическая статистика, которая также была недавно рассекречена и сегодня активно вводится в научный оборот, а также другие материалы. Следует заметить, что данные этих разных по происхождению источников практически совпадают»¹⁴. В целом по подсчетам А. К. Соколова в 1937–1938 гг. было арестовано 1 млн 576 тыс. человек¹⁵.

К данным, приведенным А. К. Соколовым, близка позиция В. П. Данилова, который считает, что в 1937–1938 гг. – на апогее «большого террора», было арестовано 1 565 041 человек, из которых 668 305 человек были расстреляны¹⁶.

По мнению В. П. Данилова, 1937 г. был временем апогея сталинского «большого террора». По этому поводу автор пишет: «Жертвами сталинских репрессий стала наиболее трудоспособная

и наиболее социально-активная часть населения, люди с самостоятельным суждением и стремлением его открыто высказывать, наконец, способные оказать сопротивление несправедливости, насилию. В массе своей они не были врагами советского общества. Напротив, их уничтожение нанесло сильнейший удар по способности общества к развитию и обороне. Подавленное общественное мнение, утраченная способность к выступлению против разрушительных действий власти, к элементарной самозащите, столь характерные для населения нынешней России, также наследие сталинского «большого террора», начавшегося в 1927 г. и прерванного только в 1953 г.»¹⁷.

По подсчетам А. И. Полянского, при Н. И. Ежове, под его непосредственным руководством, по его указаниям (которые сам он не сочинял, но, в свою очередь, получал непосредственно от Сталина), было расстреляно около 700 тысяч человек и арестовано около 3 млн. человек. «Более-менее точно можно подсчитать число смертных приговоров, – пишет автор, – вынесенных Военной коллегией Верховного Суда СССР, военными трибуналами, “тройками” и “двойками”. Но невозможно подсчитать, сколько заключенных, осужденных к лишению свободы, были расстреляны уже в лагерях за “контрреволюционный саботаж” (т. е. за невыполнение нескольких дневных норм выработки в шахтах или на лесоповале), за нарушение лагерного режима, а то и просто так, по прихоти лагерного начальства»¹⁸.

В отдельных работах были предприняты попытки к определению ряда групп советских граждан, пострадавших от репрессий. В частности, по данным А. Г. Авторханова, за время «ежовщины» в СССР было репрессировано 1 220 934 коммуниста¹⁹.

Г. В. Костырченко обратил внимание на то, что «... из 1 602 000 человек, арестованных в 1937–1939 гг. по политическим статьям Уголовного кодекса, 346 000 человек были представителями нацменьшинств, причем 247 000 из них были расстреляны как иностранные шпионы. Из арестованных чаще других казнили греков (81 %) и финнов (80 %). В трагической череде уничтожавшихся нацменьшинств евреи занимали только одно из последних мест. Всего в 1937–1938 гг. их было арестовано НКВД 29 тыс., что составляло приблизительно 1 % от общей численности этого нацменьшинства (такой же процент репрессированных был характерен для русских, украинцев и других основных народов СССР).

В то же время в заключении оказались 16 % всех проживавших в стране поляков, или скажем, 30 % латышей»²⁰. Отсюда Г. В. Костырченко призывает обратить наше внимание на то, что говорить о «большом терроре» как «антиеврейской» операции не приходится, несмотря на утверждения об обратном некоторых авторов²¹.

Однако, по мнению Л. Л. Рыбаковского, точно установить, какая из национальностей во время «большого террора» больше всего подвергалась репрессиям, невозможно²².

По данным А. Н. Яковлева, наибольшее число жертв православного духовенства приходится на 1937 г.: «Всего тогда было репрессировано 136 900 человек, из них расстреляно 85 300 человек. В 1938 г. соответственно – 28 300 и 21 500»²³.

На региональном уровне проблема выяснения числа лиц, ставших жертвами «большого террора», также получила отражение.

По сибирскому региону можно выделить ряд следующих исследований.

К примеру, И. Н. Кузнецовым было установлено, что за период «большого террора» на территории Западной Сибири было арестовано 90 тысяч человек. Автор также попытался проанализировать социальный статус репрессированных: «Среди осужденных по политическим мотивам рабочие и крестьяне составляли около 64 %, большинство из них до 50 % было осуждено по ст. 58–10 (антисоветская (контрреволюционная агитация). До 60 % всех репрессированных в крае в период 1930–1953 гг., было арестовано в 1937–1938 гг. Если в период 1930–1933 гг. по приговорам внесудебных органов было расстреляно до 14 % заключенных, то в период 1937–1938 гг. – около 74 %. Приведенные данные подтверждают, что репрессии, осуществленные карательными органами на территории края, носили плановый характер»²⁴.

В. Н. Уймановым ряд данных, приводимых И. Н. Кузнецовым, не были восприняты как исходные. В частности, В. Н. Уйманов пишет по этому поводу следующее: «И. Н. Кузнецов со ссылкой на то, что якобы часть отчетов, справок, протоколов заседания “тройки” НКВД уничтожена в 1950-е гг., а архивы КГБ, по всей видимости, полной гласности преданы не будут, точные данные о масштабе репрессий, по мнению Кузнецова, установить не представляется возможным, а поэтому, исходя из предварительного анализа, число репрессированных на территории Запсибкрая в 1930–1953 гг. он выводит в 250 тысяч человек. При этом данные,

полученные им из УКГБ СССР по Новосибирской, Кемеровской и Томской областям – 105 тыс. человек, он считает неполными, так как они не учитывают повторно репрессированных жителей Запсибкрая в лагерях, колониях, тюрьмах, высланных в другие области, а также осужденных на территории других областей и республик страны. Далее он определяет число репрессированных по политическим мотивам в 1930–1938 гг. в 210 тысяч человек»²⁵.

По мнению В. Н. Уйманова, подсчеты И. Кузнецова неверны и завышены: «Во-первых, уничтожение отчетов, справок, протоколов заседания «тройки» и т. п. никак не может свидетельствовать о занижении или сокрытии истинной цифры потерь, хотя бы потому, что дела на осужденных по политическим мотивам не уничтожались (имеют гриф “хранить вечно”) и не подвергались каким-либо техногенным воздействиям (пожар, наводнение и т. п.) ни в одном из территориальных органов государственной безопасности, расположенных на территории Западной Сибири. Во-вторых, приводимый Кузнецовым довод о повторном осуждении какой-то части ранее репрессированных, также не может быть принят нами за доказательство о числе выводов. Это связано с тем, что повторные аресты имели место у абсолютного большинства, подвергавшихся репрессиям. В-третьих, за годы работы над книгой памяти «Боль людская» не был «потерян» ни один человек»²⁶.

В. Н. Уйманов разделяет данные, приводимые органами госбезопасности, в частности, по региону Западной Сибири, в официальных документах²⁷.

Другой сибирский историк – С. А. Папков справедливо заметил, что статистика жертв террора до сих пор является одной из наиболее сложных проблем в исследовании этого периода. Историк в этой связи пишет: «В нашем распоряжении – лишь часть документов, способных прояснить масштабы акций Политбюро и его местной агентуры. Согласно официальному строго секретному отчету Новосибирского управления НКВД, в Западно-Сибирском крае (современные Кемеровская, Томская, Новосибирская области и Алтайский край) в 1937 году было репрессировано около 35-ти тысяч человек. ...Количество арестованных в 1938 году было, по-видимому, значительно больше, чем год назад. Свидетельством этого служит тот факт, что для участия в операции были мобилизованы абсолютно все сотрудники НКВД, включая обслуживающий персонал»²⁸.

По Омской области число репрессированных граждан установила Л. В. Алексеева. По ее данным, в области в 1937–1938 гг. «были расстреляны 12 тысяч человек, а тысячи несчастных людей сгинули в лагерях и на подневольных стройках социализма»²⁹.

Красноярский историк В. С. Сиротинин в статье «Коммунистический террор в Красноярском крае» приводит следующую статистику «большого террора» в Красноярском крае: «С 23 августа 1937 по 15 ноября 1938 г. тройкой УНКВД по Красноярскому краю по политическим статьям было репрессировано 18 132 человека, из которых 12 603 были расстреляны. При том, что «тройки» руководствовались лимитами, утвержденными Политбюро»³⁰.

С. А. Головин пишет, что за государственные и контрреволюционные преступления в 1929–1941 гг. в СССР было осуждено более 3 млн. человек. То есть удельный вес осужденных за данные преступления граждан в 1929–1941 г. г. приблизительно составляет 1,76–1,85 % от общей численности населения страны в эти годы³¹.

Исходя из минимально установленной численности осужденных в ДВК в 1930-е гг. по политическим мотивам граждан, и максимально возможной численности населения края в 1937 г. (2 млн 481 тыс. человек), удельный вес репрессированных на Дальнем Востоке составил 3,6–4 % от общей численности населения края (в 2 раза выше общесоюзного процента).

Если за основу принять сведения, сообщенные Г. С. Люшковым (начальником УНКВД по ДВК в 1937–1938 гг.) на допросах японским дознавателям, на Дальнем Востоке с 1937 по 1938 гг. было репрессировано 250 тысяч человек³².

Анализируя особенности реализации репрессивной политики в 1937–1938 гг. в Якутской АССР, Т. С. Иванова отметила: «О широте и размахе репрессий, в Якутии не удалось выявить сколько-нибудь полных данных и проследить их динамику. Имеются лишь отрывочные сведения, но в различных источниках повторяется несколько раз одна и та же цифра – 1800 человек арестовано в Якутии за последний квартал 1938 г.»³³

В одной из последних опубликованных работ Н. Ф. Бугаевым были выявлены масштабы «большого террора» в Украине. В частности, исследователь отметил, что там «было арестовано в 1937–1938 гг. ...267 579 человек (для сравнения: в 1935 г. было арестовано 24 934 человек, в 1936 г. – 15 717 человек), из них осужденных было 197 617 человек (т. е. меньше, чем было арестовано)»³⁴. Прав-

да, озвучивая данную статистику, Н. Ф. Бугай не конкретизировал – кого следует включать в группу «осужденных» (лиц, действительно осужденных судебными органами, или лиц, «осужденных» внесудебными репрессивными органами, на долю которых в 1937–1938 гг. выпала доминирующая часть «приговоров»).

Таким образом, определяя масштабы «большого террора» в СССР, в настоящее время следует руководствоваться следующими факторами. Во-первых, из-за ограниченности на данный момент источниковой базы по проблематике (особенно ряда ведомственных архивов) максимально достоверными данными выступает статистика, озвученная, как уже было выше сказано, генерал-майором Министерства безопасности России А. Краюшкиным. Данные, приведенные А. Краюшкиным, стали исходными в определении масштабов «большого террора» в СССР 1937–1938 гг. в большинстве современных не только российских исследованиях, но и в зарубежной историографии³⁵. И, во-вторых, мы можем констатировать, что на данный момент в исторических публикациях недостаточно полно изучена проблема в выяснении числа жертв «большого террора» на региональном уровне. Именно это взаимодополнение центральной статистики и региональной может в перспективе показать реальные масштабы массовых политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг.

Примечания

1. *Конквест Р.* Большой террор. Рига : Ракстниекс, 1991. С. 13, 55.
2. *Дугин А. Н.* Сталинизм: легенды и мифы // Слово. 1990. № 7. С. 24.
3. *Медведев Р. А.* О Сталине и сталинизме. М. : Прогресс, 1990. С. 405.
4. *Антонов-Овсеенко А. В.* Портрет тирана. М. : Грэгори Пэйдж, 1995. С. 272.
5. *Вакулин А. В.* История Советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 116.
6. См.: *Кожин В.* Жертвы насилия // Москва. 1994. № 6. С. 129; *Он же.* Россия. Век XX (1939–1964). (Опыт беспристрастного исследования). М. : Алгоритм, 1999. С. 197.
7. *Попов В. П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 29.
8. *Земсков В. Н.* Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60.
9. *Павлова И. В.* Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. Вып. 3 / науч. ред.-сост. И. В. Павлова. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. С. 30.
10. *Крылов В. В.* Познание непознанного: историографические заметки // И. В. Сталин: Миф. Осмысление. Преодоление : материалы к научно-образовательному форуму. Москва, 5–6 марта 2003 г. / под ред. М. Побережнока. М. : РГГУ, 2003. С. 31–32.

11. Рыбаковский Л. Л. Роковые – тридцать седьмые // Социол. исследования. 2003. № 5. С. 128.
12. Мозохин О. Б. Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК-ОГПУ (1934–1940) // Военно-исторический архив. 2005. № 4. С. 182.
13. Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М. : Яуза; Эксмо, 2007. С. 14.
14. Соколов А. К. «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) / под ред. В. П. Дмитриенко. М., 1999. С. 266.
15. Там же. С. 266–267.
16. Данилов В. П. Сталинизм и советское общество // Вопр. истории. 2004. № 2. С. 173.
17. Данилов В. П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / под ред. Т. И. Заславской. М. : МВШСЭН, 2002. С. 309, 323.
18. Полянский А. И. Ежов: История «железного» наркома. М. : Вече, 2003. С. 6–7.
19. Авторханов А. Г. Технология власти // Вопр. истории. 1992. № 2–3. С. 111.
20. Конквест Р. Указ. соч. С. 132.
21. См.: Север А. Тайна сталинских репрессий. М. : Алгоритм, 2007. 272 с.; Платонов О. А. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М. : Москвитянин, 1997. С. 29.
22. Рыбаковский Л. Л. Указ. соч. С. 130.
23. Яковлев А. Н. По мощам и елей. М. : Евразия, 1995. С. 95.
24. Кузнецов И. Н. Массовые репрессии на территории Западной Сибири в 1930-е годы и реабилитация жертв террора : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1992. С. 14.
25. Уйманов В. Н. Репрессии как это было. (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х гг.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. С. 124–125.
26. Там же. С. 125.
27. Там же. С. 126.
28. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997. С. 219, 224.
29. Алексеева Л. В. Северо-западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск : Изд-во Нижневартов. пед. ин-та, 2002. С. 187.
30. Сиротинин В. С. Коммунистический террор в Красноярском крае // Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 1. Красноярск, 2004. С. 28.
31. Головин С. А. История политических репрессий на Дальнем Востоке России 1920–1930-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2000. С. 22.
32. Там же. С. 23.
33. Иванова Т. С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. С. 117.
34. Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М. : Наука, 2006. С. 57.
35. См.: Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / под ред. С. Куртуа, Н. Верта, Ж. -Л. Панне. М. : Три века истории, 1999. С. 193.